

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского университета, Соколова Алексея Михайловича на диссертационное исследование Иванова Андрея Анатольевича «Репрезентация субъективности в культуре русской интеллигенции», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Первым, основным и, по большому счету, единственным вопросом философии был и остается вопрос о первоначале. Говорит ли философия архаичным языком стихийных материалистов Милета и Эфеса, академическими рассуждениями последователей и критиков Платона, или изощренными дистинкциями средневековых схоластов, в конечном счете, она всегда ведет речь об истоке всего сущего и принципах его актуализации в мире как упорядоченном бытии. Новоевропейское сознание, как известно, в качестве такового первоначала усмотрело мыслящую, самоуверяющую субстанцию, постепенно переформатированную в субъекта. Примерно с XVIII века именно понятие «субъект» стало определять не только горизонт философской проблематики, но и – смысловой горизонт всей европейской цивилизации. Понятно, что радикальный пересмотр представлений о субъекте в европейском самосознании свидетельствует о существенном мировоззренческом сдвиге, предполагающем переосмысление всего порядка происходящего в логике нестабильных структур постоянно расширяющегося информационного поля.

Применительно к философской мысли в России актуальность проблематики субъекта/субъективности связана не только с включенностью нашего интеллектуального пространства в общеевропейское. Для нас эта тема чрезвычайно важна, скорее, даже не в силу кризисности данной теоретической и мировоззренческой интуиции, сколько – в силу ее «недоразвитости», или, лучше сказать, «недопроясненности». Для современного российского самосознания сегодня ничуть не менее важно, чем сто и сто пятьдесят лет назад, выявить концептуальные начала, российской субъективности как основания цивилизационного развития нашего общества. И в этом смысле обращение диссертанта к теме русской интеллигенции XIX века, безусловно, оправдан по нескольким причинам. Во-первых, потому, что именно интеллигенция, начиная со второй половины девятнадцатого столетия, заявила о себе как о «совести» русского общества, выражающего подлинные его интересы и ценности. Во-вторых, потому, что именно интеллигенция была вдохновителем тех общественных настроений, процессов, которые определяют нашу историю более столетия. В-третьих, потому, что внятного определения интеллигенции, если не считать декларативно-формального, времен последней советской конституции, до

сих пор не существует. В-четвертых, потому, что нынешнее состояние неопределенности российского общества не в последнюю очередь обусловлено отсутствием концептуального единства его интеллектуальной элиты. Наконец, потому, что речь идет об очень важной и интересной методологической проблеме: интерпретации российского духовного опыта в терминологии постмодернизма. Последний аспект тем более интересен, что уже в преамбуле автореферата (с.2.) и ввводной части текста диссертации (с.3) А.А. Иванов, подчеркивает, что в современной западной философии «сомнения в онтологической достоверности субъекта», «декларации его исчезновения [...] смягчаются и заменяются требованием концептуального пересмотра понятия «субъект», внесением в его содержание иных оснований и определений, фиксирующих социально-историческую обусловленность субъекта как культурной модели идентичности». И очень важно уточнение, сделанное автором чуть ниже: актуальность темы обусловлена «интересом к дискурсу субъективности как виду социальной практики»; «к аспектам, характеризующим социальные и культурные условия формирования и функционирования дискурсивной модели субъекта, корреляцию ее семантики с различными формами выражения субъективности в текстах культуры». Тем самым очерчивается предметное поле исследования, охватывающее в первую очередь «прагматические аспекты функционирования дискурса субъективности», отображающими то, как «универсальная модель субъекта взаимодействует с конкретным индивидуальным опытом».

В целом следует отметить глубокую заинтересованность диссертанта в избранной им теме и как результат тщательную проработку сюжетной линии исследования, вполне соответствующей заявленной цели и кругу решаемых задач.

В первой главе «Субъективность как социально-философская категория» диссертант делает тематический обзор понятие субъекта в истории западной философии, тем самым задает семантические и методологические ориентиры исследования. Излагая достаточно точно в первом параграфе «хронологию» становления категории «субъект» и классические формы репрезентации субъективности – во втором параграфе, А.А. Иванов, демонстрирует завидную эрудицию в знании западной литературы по данному вопросу. В третьем же параграфе «Интеллектуал как тип новоевропейского субъекта: между автономией и гетерономией» диссертант переходит к описанию феномена, в котором, как он совершенно справедливо полагает, репрезентирована форма субъективности эпохи модерна. Замысел автора понятен и методологически оправдан. Коль скоро категориальные формы субъекта и субъективности актуализированы новоевропейской мыслью, то это значит, что и в сфере действительности они с необходимостью осуществляются как ее ключевой элемент. В перспективе дальнейшего анализа здесь важен вывод, сделанный А.А. Ивановым: «Интеллектуальные группы в обществе Модерна выполняют функцию репрезентации дистанции между субъектом как автономным сознанием и

субъектом практической деятельности, вовлеченным в сеть социальных отношений». Данное утверждение фиксирует обстоятельство, в котором, мне видится средоточие проблемы, затрагиваемой в диссертации. В чем еще раз убеждаешься, читая заключительную часть исследования: «Посредством репрезентации этой дистанции культура интеллектуалов демонстрирует, что субъект не детерминирован социальными структурами, способен выйти за пределы их влияния и, тем самым, управлять ими» (с.291). Дело в том, что диссертант воспроизводит точку зрения, отстаиваемую представителями постмодерна, и, имеющую отношение исключительно к феномену западных интеллектуалов.

В самом деле, сообщество интеллектуалов образуется как некая производная от общего процесса десакрализации мира, распада его на условно самостоятельные (самодостаточные) группы, идентифицирующие себя через осуществление своей специфической деятельности. Кантовская демаркация познающего и благоволящего субъекта стало теоретической «легализацией» правомерности существования различных групп, обеспечивающих различные функциональные операции. В традиционном обществе все деятельность любого сословия выполняло в первую очередь не экономическую, политическую или духовную функцию – а функцию космическую. Новоевропейский же миропорядок утвердил строго специализированную функциональность, что и привело к появлению группы, «ответственной» за смысловое, символическое оформление жизненного пространства. Строго говоря, интеллектуалы – это ответственные за производство смысла бытия. Интеллектуалы – это и есть подлинное сообщество первого порядка, функционально и статусно дистанцированное от буржуазии и пролетария, теоретически «завораживающее» два класса индустриальной/постиндустриальной цивилизации и тем самым обеспечивающее специфическую целостность мироустройства.

Поэтому очевиден парадокс, формулируемый А.А. Ивановым на 89 стр., который заключается в противоречии между субъектом практики и субъектом познания, между вовлеченностью и дистанцированностью субъекта, в конце концов, между необходимостью и свободой».

После академической школы, выполненной в первой главе, во второй главе диссертант непосредственно переходит к предмету исследования: проблеме становления сообщества русской интеллигенции, истолковываемого автором в качестве формы актуализации российской субъективности. Выборка «референтной» группы, свидетельствует о предпочтениях диссертанта, на что он, безусловно, имеет право. А..И. Герцен, В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, Н.Г Чернышевский, составившие «фокус-группу» поисковых процедур, в самом деле, могут рассматриваться не просто в качестве выразителей новаторской тенденция развития российской интеллектуальной элиты, но – и как представители различных социальных групп, открывших поле духовного взаимодействия, ранее неведомого в России. В полемическом диалоге «дворянина» и «разночинца»

было положено начало оформлению единого смыслового поля России, открытого еще А.С. Пушкиным. Поэтому неудивительно, что средоточием споров той эпохи стал вопрос о личности, как субъекте общественной жизни. Первичная концептуализация тематического содержания той полемики, предложенная А.А. Ивановым («определенность субъекта в действительности», «целостность субъекта», «деятельная природа субъекта»), на первый взгляд, не дает ничего нового, кроме формального соотнесения с понятием «дискурса». Однако, во втором параграфе главы «дискурс субъекта» разворачивается в континуальную последовательность семантических пропозиций, или фигур, по выражению автора, которые отражают специфические стороны истолкования понятия «личности» в среде радикально настроенных интеллектуалов. Пропозиции: «внутреннее – внешнее», «нравственность – мораль», «индивид – общество», «разум – чувство», атрибутируют искомого субъекта как «развитую личность, освободившуюся от гетерономных начал, утверждающую свою свободу и воплощающую народность». К сожалению, сам автор четко не артикулирует, по моему, важнейшего положения, следующего из его реконструкции. А именно: личностная идентификация субъективности в России середины XIX века проблематизируется в понятии свободы, раскрывающемся в горизонте народного самосознания. И только так становится понятным обращение А.А. Иванова в следующем параграфе к наследию славянофилов. В противном случае аналитика идей А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова в постструктуралистской терминологии представляется не вполне корректной и разрушает замысел реконструкции дискурсного пространства в нарождающейся среде русской интеллигенции.

Чрезвычайно интересны суждения последнего параграфа данной главы, поскольку здесь происходит своеобразное завершение концептуализации субъективности, по крайней мере так ее мысль автора понимает автор. Теоретические представления, заимствованные русским умом у западных наставников, претворенные личными переживаниями, т.е. непосредственным отношением к действительности, были реализованы эстетическими репрезентациями литературных героев и критической рефлексией, раскрывающих их подлинный смысл. «Литературный герой воспроизводит необходимую идеологию в структурно-упорядоченном и синтаксически-развернутом виде. Он становится либо образцом для подражания, либо отрицательным образцом, проецируемым на идеологических оппонентов» - утверждает диссертант. И далее заключает: «Литература, таким образом, становится идеологией – отражением социального интереса и средством конструирования социального мира, претендующим на тотальность и отрицающим собственную фикциональность».

Третья глава вызывает интерес авторским истолкованием индивидуального опыта представителей русской интеллигенции XIX века в терминологии дискурсивных практик. Аналитика различных типов репрезентации (письма, дневники, мемуары), позволившая диссертанту определить основные коммуникативные стратегии, характеризующие

способы письменной репрезентации, очевидно, ориентирована на переформатирование «русской интеллигенции» в «сообщество интеллектуалов», что, в общем-то, соответствует исследовательским практикам постмодернизма. Использование методологических наработок П. Рикера, М. Фуко и блестящая литературоведческая эрудиция, несомненно, способствует достижению этой цели.

В целом о диссертации А.А. Иванова надо сказать, что ее основные положения и выводы подтверждены всем ходом проведенного исследования и получили развернутое, содержательное обоснование в тексте. Теоретическая новизна диссертации, ее актуальность для философской антропологии заключается в оригинальной, систематически представленной интерпретации феномена «русской интеллигенции», опирающейся на исследовательские стратегии философии постмодерна. Предпринятое А.А. Ивановым исследование подтверждает актуальность теоретического осмысления феномена «русской интеллигенции» для философской антропологии, философии культуры, социальной философии. К достижениям диссертации А.А. Иванова следует отнести расширение области применения методологических приемов, позволяющих открывать новые аспекты, в казалось бы, хорошо известных явлениях.

Отмечая достоинства диссертационного исследования А.А. Иванова, нельзя не высказать ряд замечаний.

Первое замечание касается общей методологической неопределенности. Так ключевой категорией, которой оперирует диссертант в своем исследовании, является категория «дискурса». Но в тексте диссертации я не нашел, что собственно сам автор понимает под дискурсом. Перечисление множества токований этого термина, принятых современной философией, только отягощает работу и затрудняет ее понимание. Появление же на 33 стр. текста диссертации этого термина в связи с ролью Лейбница в истории западного самосознания представляется не вполне корректным, т.к. никакого дискурса субъекта в то время еще не существовало. В лучшем случае он только начал оформляться, чтобы выступить мировоззренческим нарративом не ранее кантовского учения о трансцендентальном субъекте.

Второе замечание требует еще одного методологического прояснения и в значительной степени связано с первым. Объектом исследования, согласно автореферату и преамбуле диссертации, является «культура русской интеллигенции XIX века». «Предметом исследования являются формы репрезентации и самосознания интеллектуала...» (с.6 автореферата). Из чего можно сделать вывод, что диссертант отождествляет интеллигенцию и интеллектуалов. И это обстоятельство в самом исследовании принимается, как само собой разумеющееся. Между тем, интеллигенция, как феномен русской культуры, событие уникальное и никоим образом не тождественно интеллектуальному сообществу. Даже, когда западный мыслитель (например, цитируемый на стр.81 К.Мангейм) использует термин интеллигенция, он подразумевает именно интеллектуалов. Конечно, русская интеллигенция может быть соотнесена с западными интеллектуалами, но не

более того. Ее происхождение, цивилизационные основания, динамика развития, ценностная мотивация принципиально иные. Поэтому-то и репрезентации субъективности русской интеллигенции в дискурсивном формате оказывается под большим вопросом. Ведь в Европе дискурс в самом деле стал способом представления интеллектуалов, общности, сложившейся наряду с общностью буржуазии и пролетариата. Тому способствовала не только социально-политическая динамика, но и берущая начало в средневековой культуре схоластики, юриспруденции, университетская культура. Дискурс – это общее смысловое поле, сформированное определенной частью общества, которое становится сообществом интеллектуалов (интеллектуальным сообществом, наряду с буржуазией и пролетариатом) именно в силу осуществления единого дискурса, в котором каждый из его участников вполне понимает любого из своих оппонентов, даже если с ним не согласен. Интеллектуал – это действительно созерцатель, наблюдатель, находящийся над схваткой. И дискурсивное со-знание по отношению к нему – это и его сущность, и форма его репрезентации.

Представитель в интеллигенции (интеллигент) в России – это совсем другое. Он почти всегда в центре событий. Его присутствие в мире – не созерцание происходящего вокруг него, а понимание, постижение того, что движет им в этом мире. Если для интеллектуала существенно рациональное обоснование своих действий (предельно теоретизированное в философии прагматизма), то для интеллигента – понимание мотивов своего уже совершенного поступка. Поэтому сущность интеллигенции не в ее со-знании, трансцендентного сознанию Другого, а в со-вести, отсылающей к Абсолюту, предполагающему соборное единство всей одухотворенной твари. Вероятно, тем и может быть объяснена «драма» русской интеллигенции, что в формат ее дискурсивной репрезентации оказался противен национальному самосознанию России. А исторически жизнеспособной оказалась та форма, которая предполагала не трансцендирование от общества в целом (народа), а – теснейшее сотрудничество с ним.

Третье: имея в виду первые два замечания, хотелось бы выразить сожаление, вызванное тем, что в диссертации А.А. Иванова фактически не представлен опыт наших мыслителей, внесших огромный вклад в разработку теории субъекта. Речь, прежде всего, о М.М. Бахтине, который хотя несколько раз и упоминается в тексте, но не в связи со своей «философией поступка». Кроме того, существенно усилило бы работу, прояснив ряд важных моментов, наследие В.В. Библихина, труды которого в последние годы стали широко публиковаться. Сочинения А.С. Панарина так же пришлось бы, весьма кстати.

Высказанные замечания не влияют на общую высокую оценку работы. Они могут быть учтены в ходе дальнейшего исследования феномена «русской интеллигенции», форм репрезентации субъективности и принципов становления дискурсивных практик. Отдельные выводы и положения соискателя могут быть использованы в вузовских учебных курсах

по философской антропологии, социальной философии, истории и теории культуры

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация Иванова Андрея Анатольевича на тему «Репрезентация субъективности в культуре русской интеллигенции» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение крупной научной проблемы, имеющей важное социокультурное значение. Тексты публикаций и автореферата соискателя репрезентативны по отношению к тексту диссертации. Соискатель имеет 15 печатных работ в периодических изданиях из списка «ВАК». Публикации диссертанта и автореферат в полной мере отражают теоретическое содержание и проблематику диссертации.

Рецензируемое диссертационное исследование соответствует требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, предъявляемых к работам докторского уровня. Его автор Иванов Андрей Анатольевич заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

06.02.2017.

Официальный оппонент:

Соколов Алексей Михайлович

доктор философских наук, профессор
зав. кафедрой социальной философии
и философии истории

Института философии Санкт-Петербургского
государственного университета

А.М. Соколов

Контактная информация: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Адрес: Россия, 199034. г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия 5.

E-mail: office.philosophy@spbu.ru, a.m.sokolov@spbu.ru

Телефон: (812)328-44-08.

С публикациями официального оппонента можно ознакомиться по следующему адресу

в сети Интернет: http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=733728

Подпись профессора А.М. Соколова заверяю:

личную подпись
А.М. Соколов
ЗАВЕРЯЮ

начальника
кадров СПбГУ
К. КОРЕЛЬСКАЯ